
НАША БИБЛИОГРАФИЯ

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ
И ПРАКТИКА КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*:**
Рец. на: *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»:
адаптационные возможности таежных общин староверов-странников
(вторая половина XIX – начало XXI в.) / Под ред. В.В. Керова. – Томск:
Изд-во Томского университета, 2007. – 414 с. – Тир. 500 экз.

В.Н. Сыров

Призыв к междисциплинарности давно утратил свою новизну, не утратив при этом своей актуальности. Сегодня, как и десятилетия назад, его реализация связывается с новыми методами обработки источников и новыми подходами в их интерпретации. Эти поиски в принципе лежат за границами пространства традиционно сложившегося исторического дискурса. И дело здесь не в бессилии исторической мысли, а в специфике самой ее природы. Ведь история как воплощение сути самой человеческой жизни и есть пересечение социальных, экономических, политических и культурных процессов, причудливое соединение уникального и типичного, внешнего и внутреннего, что само по себе провоцирует к использованию и интеграции различных исследовательских практик.

Известно, что тезис о междисциплинарности легче провозгласить, чем осуществить. Здесь можно впасть в долгие дискуссии, что под ней понимать: использование достижений других дисциплин для получения продуктивного результата в своем виде деятельности или создание некоего нового жанра, который ускользает от дисциплинарных требований истории, социологии, экономики. Е.Е. Дутчак – автору рецензируемого исследования – легче. Она не строит теорию, а ее применяет, оставляя методологу право судить, следует ли междисциплинарности быть целью или средством. Во всяком случае, по всему тексту «разбросаны» приметы движения как в том, так и в другом направлении.

---

* Материал подготовлен в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.5.

Е.Е. Дутчак по институциональной принадлежности является историком, а ее работа – добротным и концептуально выстроенным историческим нарративом. Стоит только взглянуть на оглавление, где со всей отчетливостью представлены начало («Исход из Вавилона»), середина («Путь в Беловодье») и финал («Обретение»), но содержание текста – именно в силу отмеченной междисциплинарности – оказывается далеким от простой повествовательности. Скорее, история формирования старообрядческих монастырей в сибирской тайге становится поводом для построения культурологических или социологических моделей, позволяющих в единичном выявить типичное или, наоборот, через знание типичного объяснить индивидуальное.

Тезис о том, что междисциплинарность легче провозгласить, чем осуществить, затрагивает еще один аспект. Кажется, что можно расширить свой кругозор простым чтением литературы по смежным дисциплинам. Но ведь даже к этому нужен толчок, который может дать либо личный опыт пребывания между дисциплинарными границами, либо переход от одной сферы профессиональной деятельности к другой. В нашем случае у автора и объекта ее исследования налицо есть все условия для преодоления традиционных дисциплинарных рамок.

Любопытно, как автор и предмет изучения отражаются друг в друге. Так, одной из ключевых тем монографии является анализ биографий староверов-*странников*, предполагающий «через уникальность человеческой жизни увидеть многоуровневое социальное пространство и те возможности, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста» (1). Профессиональная биография самого автора, имеющего практический опыт не только исторического, но и культурно-антропологических и социологических исследований, в этом смысле оказывается сходной с практикой *странствования*.

Нетрудно заметить, что такое «странствование» способствует тому, чтобы увидеть и осмыслить другие стили мышления, методы и идеи. Очевидно, что рано или поздно это заставляет почувствовать границы взгляда своего профессионального сообщества. Наконец, это принуждает быть толерантным и восприимчивым к другим формам мысли. Иначе говоря, перед нами раскрывается один из механизмов формирования междисциплинарного мышления.

Но таков же и объект исследования. Староверие – не только наше прошлое, но и настоящее, где привычные для историка методы уже не действуют либо нуждаются в дополнении взглядом этнографа, социолога или культуролога. Таким образом, своеобразная «маргинальность» староверия относительно привычных форм исследования является еще одним поводом поставить под сомнение устоявшиеся способы обработки эмпирии и расширить перспективы посредством применения новых/иных аналитических практик.

Несомненным достоинством работы является высокая степень теоретико-методологической рефлексивности, которая нашла свое отражение в развернутом введении. Собственно, в нем выдвинута парадигма видения проблематики, истоки которой вполне прозрачны – жизнеспособность староверия внешне противоречит как логике модернизационных процессов, так и доминированию социально-экономических и политических моделей ее объяснения. Отсюда и авторская позиция: «Конкретно-исторические исследования нуждаются в дополнении полидисциплинарными подходами, направленными на выявление факторов самосохранения староверия как культуры, видящей в воспроизводстве «старины» цель и смысл своего существования» (2). Иначе говоря, следует предполагать, что побуждать людей к действию может система ценностей, причем действовать, образно говоря, не благодаря, а вопреки обстоятельствам.

Эта идея легла в основу методологии работы. Прежде всего, ее неотъемлемой частью стал принцип системности, и заметим, что здесь он является не данью моде. Системность предстает не прикрытием эклектичности сознания, столкнувшегося с противоречивостью изучаемого объекта и потому пытающегося освоить его посредством столь популярных выражений «с одной стороны» и «с другой стороны». Для автора она становится способом связать материал в единое целое и увидеть за внешней разрозненностью и противоречивостью эмпирии внутреннюю стройность и согласованность.

Понятно, что системность требует наличия системообразующего начала. Эту роль играет социокультурный фактор, позволяющий увидеть внутреннее единство экономических, политических и ментальных структур. На наш взгляд, именно актуализация культурной составляющей, осознание ее автономии и определение ее конститутивной роли позволили автору радикально изменить угол зрения на исследуемые ситуации и процессы и на этом базисе их систематизировать.

В монографии особое внимание уделено специфике конфессиональных установок таежного скитского сообщества, а, прежде всего, выработке им «апокалиптической логики» и механизмов вписывания в нее «вызовов» внешнего мира. Этот дискурс, по мнению Е.Е. Дутчак, явился основой и источником тех ресурсов, что позволили конфессии выживать, формировать и воспроизводить свою идентичность, а ее носителям иметь схему интерпретации истории и потому быть внутренне готовым ко всем поворотам судьбы.

По той же причине предметом детального анализа становятся функции кириллической книги в жизни сообщества. Как подчеркивает автор: «Именно это позволяет указать принципы, на которых вплоть до сегодняшнего дня базируется системная целостность старообрядческой культуры и ее адаптационные возможности» (3). При этом правомерно отмечено, что ресурсный потенциал текста и книги обеспечивается спецификой их бытования в традиционном сообществе, от чего мы, кстати, в современной культуре уже отвыкли. В частности, речь идет о способах символического использования не

только содержания, но и самой книги, что позволяет оценить важность разработок в русле «социальной археографии» – направления, предлагающего изучать модели функционирования книжности в локальном сообществе и конкретно-исторической культуре в целом. Безусловна его методологическая перспективность – в самом ближайшем будущем оно позволит дать удовлетворительное объяснение разнообразным нюансам поведения «человека читающего», которые в большинстве случаев так и остаются за границами исследовательского внимания (4).

В частности, социально-археографический подход удачно применен при анализе полемики учений странников – умеренных (принимающих деньги) и радикалов (безденежных). Он позволил автору более тонко подойти к диагнозу действительного подтекста дискуссии, а именно выйти за пределы схемы, укладывающей все коллизии в рамки «строгости» или «послабления» конфессионально-бытовой сферы. Авторская гипотеза построена на стремлении рассматривать альтернативы как различные модели сохранения собственной идентичности. Отсюда и специфика вывода. Обе стратегии «не разрушили, а перестроили и усложнили внутреннюю систему конфессии при сохранении базовых положений вероучения» (5).

Данная гипотеза знаменует более глубинный сдвиг авторской методологии. Он нашел свое отражение в характеристике ситуации, названной автором взаимодействием системы с метасистемой, и в конкретно-историческом плане означает рассмотрение ситуации поиска таежными монастырями адаптивных стратегий, во-первых, в категориях «вызовов» и «ответов», во-вторых, в контексте многообразия исторических альтернатив. Более того, стоит отметить чуткость Е.Е. Дутчак в определении и осмыслении специфики каждого из «вызовов» модернизации, поскольку она не ограничивается констатацией фактических тонкостей поведения старообрядцев, а типологизирует их действия. Иначе говоря, «вызовы» и «ответы» подаются как модели реакции на типы исторических ситуаций, что далее позволяет придать им методологическое значение.

Такая установка становится основой для объяснения истоков популярности радикального и изоляционистского по своей сути «учения о побеге» староверов-странников в народной среде. В частности, обращение к особенностям социального устройства крестьянского социума позволяет автору выдвинуть парадоксальный, но вполне правомерный тезис о том, что модернизационные реформы могли быть либеральным мероприятием в глазах власти, общественного мнения или историков, но отнюдь не для сельского микромира. В результате изменения ракурса описываемые «модернизационные вызовы» XVIII–XX вв. предстают в ином свете, и основной вопрос исследования начинает звучать следующим образом: что способствовало и способствует устойчивому воспроизводству старообрядческой скитской традиции (обеспечивает приток неопитов, создает продуктивные формы хозяйствования, стабилизирует межличностные коммуникации и пр.)?

Если учитывать неоднозначность отклика традиционного общества на любое воздействие извне и характер реакции сознания, привыкшего интерпретировать события в категориях символичности, а не причины и следствия, то формирование установки на полный разрыв с «никонианским миром» обретает свою правомерность. Ведь не конкретные события порождают эсхатологию, а эсхатология позволяет интерпретировать смысл тех или иных процессов или фактов, потому и любое изменение привычного уклада могло предстать под знаком угрозы. Автор недаром отмечает «способность старообрядческого менталитета продуцировать эсхатологические клише независимо от конкретных дат или роста преследований...» (6).

Как известно, универсальным механизмом, обеспечивающим такую интерпретацию, является подведение реалий под архетипические сюжеты. По этому поводу М. Элиаде в свое время отметил, что «народная память возвращает историческому персонажу нового времени его значение имитатора архетипа и воспроизводителя архетипических действий – значение, которое хорошо сознавали и продолжают сознавать члены архаических обществ, но о котором забыли исторические лица» (7).

Помещение частных сюжетов в такой контекст позволяет тем самым увидеть полное соответствие аргументативного ресурса «учения о побеге» староверов-странников архетипам традиционной ментальности.

Аналогично и распространенное в народном сознании «требование от правителя жертвенности, а не активного мироустройства» (8) связывать не только со спецификой славянского народного православия, но с установками традиционного сознания как такового. Ведь правитель всегда рассматривался как объект сакральный, а значит, символический. «Король – и чужеземец, и законный сын, человек с самого срединного центра и с самой далекой окраины, образец и несравненной кротости, и предельного варварства. Преступный и инцестуальный, он стоит и ниже и выше всех правил, которые сам учреждает... Он самый мудрый и самый безумный, самый слепой и самый пронизательный из людей» (9). Если это так, то отмечаемые Е.Е. Дутчак расхождение между «царствованием»/«государствованием» и умение старовера-книжника увидеть в «добрых и нарочитых правителях» черты «антихристовы настатия» действительно перестают выглядеть «странностями» русской концепции происхождения власти, и, напротив, становятся естественным «продуктом» традиционного сознания.

В логике трансформации эсхатологии в жизненную программу и обострения ощущения, что «высокая миссия староверия и повседневность конфессии удаляются друг от друга» (10), стремление к изоляции староверов-странников не только от «никонианского мира», но и от других старообрядческих течений также становятся вполне понятными. Потому Е.Е. Дутчак справедливо отмечает, что пафос рассуждений о необходимости отречения от мира следует рассматривать не только как форму проявления политического протеста, но и как концептуализацию путей размежевания старооб-

рядческих согласий. При этом не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что православие в целом носит «монастырско-созерцательный характер», а «монашеское служение остается несоизмеримым по своей значимости со служением мирян» (11).

В таком социокультурном контексте перестают выглядеть эксклюзивным явлением практика странничества и религиозного радикализма. Пусть идейно, но они обретают все основания для легитимации и институализации.

Актуализация эсхатологических настроений неизбежно превращала носителей аскезы в референтную группу для мирского сообщества в целом, причем, как правило, в двух формах: монашество за мирян (тех, чьим взглядом я себя оцениваю) и мирян как монахов (кем хочу быть), что, в свою очередь, благоприятствовало проработке и легитимации неинституализированной аскезы (12). Это относится и к самому феномену странничества, явлению столь амбивалентному для традиционной корпоративной ментальности. Странник опасен и желателен, он может спасти и погубить, он пугает и привлекает одновременно. Дело здесь вновь не только в специфике русской ментальности и даже православной традиции, которая более актуализировала позитивные аспекты странничества, сколько в природе бытия традиционных сообществ в целом.

В итоге, благодаря преодолению редукции культурных явлений к формам проявления социально-экономических и политических процессов и отказу от линейной интерпретации исторического процесса, мотивы, артикулированные в «учение о побеге», в монографии Е.Е. Дутчак лишаются своего экзотического налета и даже становятся формой проявления типичного. Более того, в рамках такого методологического сдвига оказывается возможным представить старообрядческий скит как особую модель конструирования этноконфессиональной идентичности, а историю его появления в сибирской тайге рассматривать в контексте формирования самосознания «русского сибиряка».

В заключение отметим, что даже если Е.Е. Дутчак сама прямо не говорит о тех или иных вещах, то примеры, ею приводимые, вызывают разнообразные культурологические и антропологические аналогии. И в этом заключается еще одна сторона привлекательности данного сочинения. Мы как-то забыли в погоне за профессиональностью и профессионализмом, что история существует не только и не столько для историков. Собственно говоря, предоставленная текстом возможность самому увидеть более широкие контексты увеличивает потенциальный слой читателей и выводит его за пределы узкого круга специалистов. Но, а разве не в этом гуманистическая цель истории, и даже если автор такой сверхзадачи не ставил, то текст сам сказал за себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX в.) / Под ред. В.В. Керова. – Томск, 2007. – С. 87.
- (2) Там же. – С. 6.
- (3) Там же. – С. 226.
- (4) Термин «социальная археография» предложен В.В. Керовым. В настоящее время это направление разрабатывается межрегиональным коллективом, см.: *Базаров А.А., Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е.* Роль священной книги в традиционных культурах Сибири («социальная археография») // Проблемы сибирской ментальности. Монография / Под общ. ред. А.О. Бароньева. – СПб., 2004. – С. 147–164; *Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е.* «Егда чтем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институционализации социальной археографии // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2006. – № 2. – С. 73–85 и др.
- (5) *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»... – С. 256.
- (6) Там же. – С. 79.
- (7) *Элиаде М.* Космос и история. – М., 1987. – С. 63.
- (8) *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»... – С. 63.
- (9) *Жирар Р.* Насилие и священное. – М., 2000. – С. 306.
- (10) *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»... – С. 78.
- (11) *Вениамин (Новик)*, игумен. Анализ 1–5 глав «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» // Социс. – 2002. – № 4. – С. 68.
- (12) Применительно к истории староверия этот механизм подробно рассмотрен В.В. Керовым. См.: *Керов В.В.* «Се человек и его дело...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М., 2004.

**NEW APPROACHES TO HISTORICAL COGNITION
AND THE PRACTICE OF CERTAIN HISTORICAL RESEARCH**
**Book review: *Dutchak E.E.* From «Babylon» to «Belovodjje»:
potentials for adaptation of Old Believers-pilgrim's communities living
in the taiga (late 19th – early 21st centuries) / Ed. V.V. Kerov. – Tomsk:
Tomsk University Publishing, 2007. – 414 p. – 500 copies**

V.N. Syrov